

Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 36–42  
Humanitarian and pedagogical Research, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 36–42.

## АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 904

doi:10.18503/2658-3186-2025-9-2-36-42

### Импортные украшения из археологических комплексов Волго-Камья (II в. до н. э. – V–VI вв. н. э.)

**Андрей Викторович Безруков**

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Магнитогорск, Россия, buonogiorno@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1243-2188>*

**Аннотация.** Изучение различных категорий импортных предметов, обнаруженных в археологических комплексах Урала, Поволжья и Прикамья, по настоящее время относится к числу актуальных проблем в российской археологии, поскольку указанные территории представляют собой дальнюю варварскую периферию, наиболее фрагментарно представленную в античной письменной традиции. Анализ обнаруженных предметов, относящихся к различным типам украшений, позволяет получить представление о возможных центрах их изготовления, путях и способах проникновения на указанную территорию. Хронологические рамки работы охватывают период с III–II вв. до н. э. по V–VI вв. н. э. Это время установления гегемонии сарматских племен в степной зоне междуречья Волги и Урала и до начала раннего средневековья, когда радикально меняется этнический состав края и на смену ираноязычным кочевникам приходят представители тюркской языковой семьи. Географические рамки включают в себя территорию междуречья Волги и Урала, представленную степями, а также лесостепные и лесные районы Прикамья. Импортные украшения представляют в количественном отношении массовый археологический материал, имевший длительный период бытования, что свидетельствует об устойчивых традициях, моде и вкусах населения различных возрастных групп и социального статуса. Представленные импортные украшения, их количество, ассортимент говорят о том, что они поступили к сарматам в результате торгового обмена из греческих колоний Северного Причерноморья через степной путь из Танаиса – важнейшего посредника в греко-варварской торговле. Незначительная часть импортных украшений на территорию варварского хинтерланда попадала посредством торговли на Северной ветви Великого Шёлкового Пути.

**Ключевые слова:** Урало-Поволжье, импортные предметы, археологические комплексы, Страбон, Диоскуриада, варварская периферия, каменные бусы, сарматы

**Для цитирования:** Безруков А. В. Импортные украшения из археологических комплексов Волго-Камья (II в. до н. э. – V–VI вв. н. э.) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 2. С. 36–42. doi:10.18503/2658-3186-2025-9-2-36-42.

Original article

## ARCHAEOLOGY

### Imported Jewelry from Archaeological Complexes of Volga-Kama Region (2nd c. BC – 5th-6th c. AD)

**Andrey V. Bezrukov**

*Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, buonogiorno@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1243-2188>*

**Abstract.** The study of various categories of imported items discovered in the archaeological complexes of the Urals, the Volga region and the Kama region is currently one of the pressing issues in Russian archeology, since these territories represent a distant barbarian periphery, most fragmentarily represented in the ancient written tradition. The analysis of the discovered items, which belong to various types of jewelry, allows us to get an idea of the possible centers of their production, routes and methods of penetration into this territory. The chronological framework of the work covers the period from the 3rd-2nd centuries BC to the 5th-6th centuries AD, the time of the establishment of the hegemony of the Sarmatian tribes in the steppe zone between the Volga and Ural rivers, and until the beginning of the early Middle Ages, when the ethnic composition of the region changed radically, and representatives of the Turkic language family replaced the Iranian-speaking nomads. The geographical framework includes the territory between

© Безруков А. В., 2025

the Volga and Ural rivers, embodied the steppes, as well as the forest-steppe and forest regions of the Kama region. The imported jewelry represents a quantitative mass of archaeological material that had a long period of existence, which indicates stable traditions, fashion and tastes of the population of different age groups and social status. The presented imported jewelry, their quantity, assortment allow us to assert that they came to the Sarmatians as a result of trade exchange from the Greek colonies of the Northern Black Sea region through the steppe route from Tanais as the most important intermediary in the Greek-barbarian trade. The insignificant part of the imported jewelry entered the territory of the barbarian hinterland through trade on the Northern branch of the Great Silk Road.

**Keywords:** Ural-Volga region, imported items, archaeological complexes, Strabo, Dioscuriada, barbarian periphery, stone beads, Sarmatians

**For citation:** Bezrukov A. V. Imported Jewelry from Archaeological Complexes of Volga-Kama Region (2nd c. BC – 5th-6th c. AD) *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 36–42. (In Russ.). doi:10.18503/2658-3186-2025-9-2-36-42.

## Введение

Представленная статья посвящена обзору и анализу импортных украшений, обнаруженных на территории междуречья Волги и Урала. Данная категория античных импортных предметов на варварской периферии пока остается, с нашей точки зрения, одной из наиболее незаслуженно обойдённых вниманием исследователей. Тем не менее, результаты археологических исследований погребальных комплексов показывают, что в количественном отношении импортные украшения представлены не только отдельными находками, но и целыми наборами, что свидетельствует о массовости археологического материала, длительности периода бытования, устойчивости каналов приобретения украшений. Все это нуждается в детальном научном осмыслении.

Как свидетельствуют данные археологических исследований, одной из самых популярных и многочисленных в количественном отношении категорий импортных украшений практически на всей территории варварского «хинтерланда», к которой относится территория Волго-Камья, вне всякого сомнения, были бусы.

В отечественной историографии данная категория импортных изделий как отдельный предмет исследования практически не фигурирует. В монографии Е. М. Алексеевой дается подробный и общий обзор различных видов античных импортных бус исключительно на примере Горгиии и ее окружи [1].

Статья М. Ю. Трейстера посвящена импортам азиатского происхождения из сарматских погребений Приуралья и Поволжья [2]. При этом основным предметом для анализа выступали предметы статусного облика (массивные золотые украшения: гривны и браслеты, поясные пластины), представленные предметами, обнаруженными в мужских погребениях кочевой знати, в то время как бусы импортного происхождения были обнаружены исключительно в женских погребениях как часть костюма.

Обобщению и систематизации данных об импортных изделиях, происходящих из комплексов кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, посвящена работа Е. В. Игуменшевой. По мнению исследовательницы, в некоторых случаях импортные изделия являются единственным свидетельством разнообразных внешних связей кочевников, так как отрывочные сведения письменных источников не позволяют восстановить полную картину их контактов. Именно такое состояние источников характерно для культуры кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI-I вв. до н. э. [3].

В нашем исследовании импортные украшения рассматриваются в контексте анализа всего комплекса импортных предметов, что позволяет дополнить картину о составе импортных украшений, а также возможных путях и способах проникновения их на территорию края.

Следует признать очевидным, что специальных исследований, посвященных изучению и анализу импортных украшений, представленных бусами, из погребальных комплексов в указанный хронологический период с территории Урало-Поволжья, практически нет, в большинстве указанных выше работ, они названы в сводках импортных изделий вообще, либо связаны с определенной категорией артефактов и погребальных комплексов.

В этом плане интересна статья Е. В. Голдиной и Л. И. Липиной, которая посвящена анализу импортных бус из погребений воинов Тарасовского могильника. Традиция применения бусин и дисков из халцедона в оформлении предметов вооружения прослеживается на широкой территории от Китая до Западной Европы в течение многих веков и, скорее всего, не может быть присуща какой-то определенной этнической группе. А мечи с халцедоновыми дисками-навершиями и крупными

бусинами были принесены мужчинами-воинами, появившимися в Прикамье в уже сложившейся экипировке, из юго-западных районов Евразии во второй половине IV в. н. э. [4, с. 293].

Целью представленной статьи является обзор античных импортных бус и подвесок, материал, из которого они были изготовлены; а также определение возможных центров их производства. Кроме того, необходимо выявить вероятные пути и способы их поступления на территорию дальней варварской периферии, и дать сравнительный анализ импортных украшений, обнаруженных, с одной стороны, на территории Урала и Прикамья, а с другой – на территории Поволжья, что поможет установить интенсивность контактов кочевников обоих регионов.

### 1. Ассортимент импортных украшений Волго-Камья

Подвески, бусы, традиционно в среде народов, населявших край, помимо своей материальной ценности и маркировки социального статуса их обладателя, играли важную роль в ритуально-культурной сфере, получая определенные магические функции и свойства, обусловленными традициями социума, представленного как кочевниками, так и оседлыми земледельцами-скотоводами.

С одной стороны, широкому распространению античных украшений в среде варварских племён во многом было обусловлено их невысокой стоимостью в сравнении с другими категориями импортных предметов, что и демонстрируют находки в мужских, женских и детских погребениях.

С другой стороны, высокая степень их популярности нашла свое отражение в появлении значительного количества ювелирных мастерских, располагавшихся в различных регионах античного мира. В этом случае часть продукции изготавливалась с ориентацией на вкусы, моду и традиции варварской знати периферии античного мира.

На сегодняшний день определить конкретный центр производства предметов украшений, представленных бусами и подвесками, за редким исключением, практически невозможно, поэтому в статье будут указываться регионы, например Египет, Ближний Восток, Закавказье, греческие колонии Северного Причерноморья, без более точной географической привязки.

В отношении Египта, как источника поступления массового материала, отдельно стоит представить серию находок изделий из египетского фаянса в виде изображений скарабеев и плакеток с лежащими львами. данные украшения получили широкое распространение в первые века нашей эры [5, с. 115].

В сарматских погребениях Поволжья, Приуралья и Прикамья скарабеи и бусы из фаянса встречаются начиная с раннесарматской эпохи вплоть до позднесарматского времени, что демонстрирует устойчивость во вкусах в сарматской среде на протяжении всего периода обитания их на территории края.

Скарабеи и бусы из фаянса, обнаруженные в значительном количестве, относятся к различным хронологическим периодам существования Танаиса. Нередки их находки и в сарматских погребениях Среднего Поволжья, большая часть из которых была обнаружена в археологических комплексах, хранивших и другие импортные предметы [6, с. 12].

В ряде случаев на обнаруженных скарабеях встречаются иероглифы, что является характерным атрибутом, своего рода визитной карточкой ювелирных мастерских Александрии, но они представляют собой скорее исключение, чем правило в контексте всех известных нам украшений данного типа [7, с. 237].

В географическом отношении интерес вызывают находки большого количества импортных украшений данной категории из мастерских Ближнего Востока, обнаруженные в археологических комплексах Прикамья. Они поступали сюда, вероятно, в результате внутренней торговли с соседними племенами сарматов, поскольку у нас нет достоверных сведений о проникновении греческих и китайских торговцев так далеко на север [8, с. 43].

Количество обнаруженных предметов лишний раз подтверждает тезис, во-первых, о популярности у народов рассматриваемого региона данной категории импортных украшений при значительном удалении их от мест производства; и во-вторых, о стабильности функционирования торговых коммуникаций, обеспечивавших поступление украшений в таких объемах.

В отношении интерпретации данной категории находок Н. А. Тарасенко и З. В. Ханутина, в отличие от других исследователей, отмечают, что египетские фаянсовые предметы выступали амулетами-апоτροпеями или оберегами. На основании проведенного анализа эти ученые высказывают предположение о возможности слияния в восприятии скарабея ираноязычныхномадам «египетских» представлений с их собственными, автохтонными идеями. Местные верования отчетливо проявились в гендерно-возрастном аспекте, причем очевидна тенденция: «...У скифов

скульптурные изображения скарабея известны преимущественно в женских погребениях, тогда как у сарматских племен они становятся устойчивым атрибутом и детских захоронений. Последнее объясняется особым положением женщин и детей в древних обществах» [9, с. 55–56].

Вместе с тем, с территории Южного Приуралья на сегодняшний день известна только единичная находка жуков-скарабеев в комплексе с каменными стеклянными бусами из женского погребения рубежа эр Сорочинского могильника в количестве шести предметов [10, с. 274–275]. Принципиальное различие в количественном отношении находок импортных украшений из египетского фаянса между районами Поволжья и Приуралья следует видеть, вероятно, в формах торговли. Если в случае находками в археологических комплексах Поволжья поступление импортных предметов следует рассматривать как факт международной греко-варварской торговли, то во втором случае следует говорить о внутреннем обмене между различными сарматскими племенными группами, контролирующими Южное Приуралье.

В информативном плане наибольший интерес представляют каменные и янтарные бусы различных типов, материалов изготовления и ассортимента форм. Они обнаружены на всей территории региона в указанный хронологический период. Объективно причинами служат как популярный материал для изготовления украшений (гешир, сердолик, янтарь), так и исторический аспект: камень, в отличие от металла, как материал для изготовления украшений имел прочные традиции в истории племен, населявших регион, начиная с эпохи неолита.

Прохоровские погребения Калиновского могильника, представленные преимущественно комплексами сарматской знати, содержат гешировые бусы [11, с. 44]. На территории Южного Приуралья на сегодняшний день каменные бусы были обнаружены в археологических комплексах сарматского времени на территории современного Башкортостана [12, с. 132, 143].

Немногочисленность находок подобных украшений на территории края заставляет предположить, что минерал, по неизвестным нам причинам, не нашел своего места в традициях и повседневной культуре сарматских племен Поволжья и Приуралья, в отличие, например, от районов Средней Азии и Закавказья [13, с. 316].

## 2. Географические рамки проникновения импортных украшений

Ареал обнаружения украшений из гешира позволяет с высокой степенью уверенности утверждать, что их проникновение связано с торговым путем с территории Закавказья на территорию Прикубани и Подонья, а уже оттуда через посредничество Танаиса, на территорию рассматриваемого региона [14, с. 13–15]. В Нижнем Поволжье известны комплексы импортных предметов, в состав которых входили янтарные подвески, 14-гранные бусы из сердолика, агата и янтаря, а также бусы из перламутра и золота [15, с. 17].

Среди большого количества бус Темясовских курганов (1325 экз.) и комплекса ювелирных украшений из женского погребения Лебедевского могильника, состоящего из 49 (сорок девять) массивных янтарных бус и 14-гранных сердоликовых бус (19 экз.), особый интерес для нас имеет наличие идентичных янтарных и 14-гранных сердоликовых бус [16, с. 73].

В числе самых северных с точки зрения географии и поздних по времени следует назвать сердоликовые и янтарные бусы, обнаруженные в Прикамье в результате исследований археологических комплексов. Обращает на себя внимание тот факт, что их датировка выходит за рамки античного периода и приходится на ранний этап средневековья, известный как эпоха Великого переселения народов. По мнению А. В. Голдобина, А. Н. Лепихина и А. Ф. Мельничука, данное обстоятельство в очередной раз свидетельствует в пользу устойчивости и стабильности вкусов и традиций местного населения в отношении импортных украшений и длительности времени их бытования в варварской среде [17, с. 39–40]. Наиболее вероятным путем проникновения импортных украшений представляется результатом миграций на указанную территорию новых групп населения, которые и принесли с собой новые типы украшений и традиции их использования.

Контекст обнаружения столь значительного в количественном и качественном отношении археологического материала, за исключением хрустальных бус, очевидно, местного происхождения, позволяет говорить о функционировании украшений в повседневном обиходе либо ритуальной сфере. Косвенное подтверждение тому находим в длительных сроках бытования импортных предметов данной категории среди местного населения и устойчивых формах и типах украшений, обнаруженных в археологических комплексах.

Завершает обзор импортных украшений из археологических комплексов указанного региона многочисленная серия находок, представленная достаточно экзотическим материалом – подвесками и

бусами из коралла и раковин морских моллюсков.

Данная группа импортных украшений органического происхождения была обнаружена в сарматских погребениях Приуралья и Поволжья. Подвески из белого или розового коралла встречены в больших количествах в сарматских погребениях на территории Нижнего и Среднего Поволжья, например, в Суслах и II Бережновском могильниках [18, с. 90, 137]. Можно предположить, что они имеют средиземноморское происхождение. Более вероятной нам представляется гипотеза, согласно которой пути и способы проникновения данной категории импортных украшений практически полностью совпадали с путями и способами проникновения каменных, стеклянных и янтарных бус. На сегодняшний день нет достаточных оснований считать, что импортные предметы одной категории украшений доставлялись бы другими путями, в этом случае другой путь мог значительно повлиять на их стоимость в сторону увеличения, а украшения из коралла не относились бы к предметам, рассчитанным исключительно на представителей сарматской племенной верхушки.

На территории Южного Приуралья находки коралловых бус представлены в материалах из погребений раннесарматского времени могильника Покровка 8 [19, с. 327]. Кроме того, единичная находка подвески из коралла, обнаруженная при раскопках сарматского кургана, восходит с территории Башкортостана [20, с. 249–250].

### Заключение

Таким образом, анализируемые импортные предметы украшений различных категорий, обнаруженные в археологических комплексах междуречья Волги и Урала и на территории Прикамья, позволяют с высокой степенью вероятности говорить об их чрезвычайной популярности в кочевой среде сарматских племен и представителей племен, проживавших к северу от них.

Близость установленного материала изготовления говорит о том, что значительная часть этих украшений поступала из античных центров Северного Причерноморья и Закавказья. Вызывает интерес практически полное отсутствие собственно стеклянных бус, широко представленных на ближней варварской периферии. Однако данный аспект выходит за рамки настоящего исследования, поскольку производство стеклянных изделий в греческих колониях Северного Причерноморья началось со времени римского влияния в рамках хронологических границ, выходящих за рамки статьи.

Импортное происхождение найденных украшений сомнений не вызывает, основную трудность вызывает вопрос в отношении того, кем и как доставлялась продукция на территории, удаленные от мест их производства на сотни, а то и тысячи километров.

Традиционно можно выделить несколько путей проникновения импортов: вручение даров, торговые связи, военные трофеи, межплеменной обмен, миграции. Очевидно, о прямой международной торговле с греческими, римскими или китайскими купцами речи не идет, товары доставлялись путем многоступенчатого обмена от мест их производства на территорию ближней варварской периферии, а уже оттуда по традиционным сухопутным торговым каналам достигали указанных выше территорий.

Несмотря на многовекторность связей, которые демонстрируют некоторые погребения элиты кочевников Азиатской Сарматии I в. до н. э. — III в. н. э., говорить о существовании стабильного передвижения товаров из Китая в Северное Причерноморье и в обратном направлении по сухопутному пути трудно. Данная картина скорее отражает преимущественное продвижение отдельных категорий товаров с востока на запад, которое могло осуществляться не в результате стабильной предпринимательской деятельности купцов, а в результате межплеменного обмена и (или) миграций, при этом оно в основном ограничивалось среднесарматским периодом [21, с. 64].

Анализ количественного аспекта убедительно свидетельствуют в пользу преобладания в указанный временной период стандартного для варварских территорий набора импортных украшений, как по типу, так и по материалу изготовления (сердолик, гагат, янтарь, стекло).

В хронологическом отношении большая часть находок укладывается в среднесарматский период, время наивысшего подъема сарматской культуры, формирование крупных военно-племенных союзов на территории края, время расцвета как международной торговли, так и внутреннего межплеменного обмена.

Распределение находок по территории, за редким исключением, представляется достаточно равномерным как в степных и лесостепных районах Урало-Поволжья, так и в лесной зоне Приуралья и Прикамья.

## Список источников

1. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М. : Наука, 1982. 105 с.
2. Трейстер М. Ю. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II-I вв. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 4. С. 180–239.
3. Игуменшева Е. В. Торгово-экономические и культурные связи кочевого населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI-I вв. до н. э. : дис. ... канд. ист. наук 07.00.06. М., 2011. 245 с.
4. Голдина Е. В., Липина Л. И. Бусы в захоронениях воинов (по материалам Тарасовского могильника) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 287–294
5. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Саратовский государственный университет, 1990. 303 с.
6. Рыков П. С. Суловский курганный могильник. Саратов : Сарполиграфпром, 1925. 54 с.
7. Мошкова М. Г. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук (07. 00. 06). М., 1956. 284 с.
8. Смирнов А. П. Железный век Башкирии // Материалы исследования по археологии СССР. Вып. № 58. М., 1957. 113 с.
9. Тарасенко Н. А., Ханутина З. В. Амулеты-пронизи в виде скарабея из детских погребений I–II веков н. э. некрополя на Илуратском плато (Восточный Крым) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 3. С. 51–59.
10. Железчиков Б. Ф., Пятых Г. Г. Среднесарматские погребения I Сорочинского могильника (Оренбургская обл) // Советская археология. 1981. № 2. С. 271–276.
11. Шилов В. П. Погребения сарматской знати I в. до н. э. – I в. н. э. // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1956. Т. 9. С. 42–45.
12. Пшеничник А. Х., Рязанов М. Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала : сб. статей / АН СССР, Башк. филиал, Ин-т истории, яз. и литературы / редколлегия: Р. Г. Кузеев и др.]. Уфа : БФАН СССР, 1976. С. 132–149.
13. Ферсман А. Е. Очерки по истории камня / предисл. А. А. Мамуровского. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1961. 2 т. 372 с.
14. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. эры – XV в. н. эры) / акад. Я. А. Манандян ; Ереванский гос. ун-т им. В. М. Молотова. Ереван : Изд-во Ереванского ун-та, 347 с.
15. Яценко С. А. Диадемы степных кочевников в Восточной Европе в сарматскую эпоху // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 186. Ранний железный век. М., С. 14–20.
16. Багрикова Г. И., Сенигова Т. М. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Известия АН Казахской ССР. 1968. № 2. С. 71–89.
17. Голдобин А. В., Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Исследование святилищ железного века в Пермском Прикамье // Археологические Открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 40–42.
18. Сеницын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 78. С. 10–168.
19. Яблонский Л. Т. Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 325–339.
20. Васильев И. Б. Сарматский курган на северо-западе Башкирии // Советская археология. 1974. № 3. С. 249–253.
21. Трейстер, М.Ю. Существовал ли трансевразийский «меховой путь» в эпоху Хань? (размышления на основании материалов археологии) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № S1. 50–109.

## References

1. Alekseeva, E. M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor', Moscow: Nauka, 1982, 105 p.
2. Treister M. Yu. «Importy» iz Tsentral'noi Azii i Sibiri v pogrebal'nykh pamyatnikakh Aziatskoi Sarmatii II-I vv. do n. e., *Problemy istorii, filologii, kul'tury Journal of Historical = Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2019, no. 4, pp. 180–239. (In Russ.).
3. Igumensheva E. V. Torgovo-ekonomicheskie i kul'turnye svyazi kochevogo naseleniya Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya VI-I vv. do n. e. : dis. ... kand. ist. nauk 07.00.06, Moscow, 2011, 245 p.
4. Goldina E. V., Lipina L. I. Busy v zakhoroneniakh voinov (po materialam Tarasovskogo mogil'nika), *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 17, no. 3, pp. 287–294. (In Russ.).
5. Skripkin A. S. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt, Saratov, Saratovskii gosudarstvennyi universitet, 1990, 303 p.

6. Rykov P. S. *Suslovskii kurgannyi mogil'nik*, Saratov, Sarpoligrafprom, 1925, 54 p.
7. Moshkova M. G. *Proizvodstvo i osnovnoi import u sarmatov Nizhnego Povolzh'ya*: dis. ... kand. ist. nauk. 07.00.06, Moscow, 1956, 284 p.
8. Smirnov A. P. *Zheleznyi vek Bashkirii*, *Materialy issledovaniya po arkheologii SSSR*, vol. 58, Moscow, 1957, 113 p.
9. Tarasenko N. A., Khanutina Z. V. *Amulety-pronizi v vide skarabeya iz detskikh pogrebenii I–II vekov n. e. nekropolya na Iluratskom plato (Vostochnyi Krym)*, *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, no. 3, pp. 51–59. (In Russ.).
10. Zhelezchikov B. F., Pyatykh G. G. *Srednesarmatskie pogrebeniya I Sorochinskogo mogil'nika (Orenburgskaya obl)*, *Sovetskaya arkheologiya*, 1981, no. 2, pp. 271–276. (In Russ.).
11. Shilov V. P. *Pogrebeniya sarmatskoï znati I v. do n. e. – I v. n. e., Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1956, vol. 9, C. 42–45. (In Russ.).
12. Pshenichnyuk A. Kh., Ryazapov M. Sh. *Temyasovskie kurgany pozdnesarmatskogo vremeni na yugovostoke Bashkirii, Drevnosti Yuzhnogo Urala : sb. statei / AN SSSR, Bashk. filial, In-t istorii, yaz. i literatury / redkollegiya: R. G. Kuzeev i dr.]*, Ufa, BFAN SSSR, 1976, pp. 132–149.
13. Fersman A. E. *Ocherki po istorii kamnya /predisl. A. A. Mamurovskogo*, Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954–1961, 2 t., 372 p.
14. Manandyan Ya. A. *O trgovle i gorodakh Armenii v svyazi s mirovoi trgovlei drevnikh vremen (V v. do n. ery – XV v. n. ery)*, Erevan : Izd-vo Erevanskogo un-ta, 347 p.
15. Yatsenko S. A. *Diademy stepnykh kochevnikov v Vostochnoi Evrope v sarmatskuyu epokhu, Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii = KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, vol. 186, *Rannii zheleznyi vek*, Moscow, pp.14–20. (In Russ.).
16. Bagrikov G. I., Senigova T. M. *Otkrytie grobnits v Zapadnom Kazakhstane (II–IV i XIV vv.)*, *Izvestiya AN Kazakhskoi SSR*. 1968, no. 2, pp. 71–89. (In Russ.).
17. Goldobin A. V., Lepikhin A. N., Mel'nichuk A. F. *Issledovanie svyatilishch zhelezного века v Permskom Prikam'e, Arkheologicheskie Otkrytiya Urala i Povolzh'ya. Izhevsk*, 1991, pp. 40–42. (In Russ.).
18. Sinitsyn I. V. *Drevnie pamyatniki v nizov'yakh Eruslana, Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1960, no. 78, pp. 10–168. (In Russ.).
19. Yablonskii L. T. *Nekotorye itogi rabot kompleksnoi Ilekskoi ekspeditsii na yuge Orenburgskoi oblasti // Evraziiskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i*, Moscow, 1999, pp. 325–339.
20. Vasil'ev I. B. *Sarmatskii kurgan na severo-zapade Bashkirii, Sovetskaya arkheologiya*, 1974, no. 3, pp. 249–253. (In Russ.).
21. Treister, M.Yu. *Sushchestvoval li trans"evraziiskii «mekhovoï put'» v epokhu Khan'? (razmyshleniya na osnovanii materialov arkheologii)*, *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*, 2022, no. S1, pp/ 50–109. (In Russ.).

### Информация об авторе

Безруков А. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.*

### Information about the author

**Bezrukov A. V.**, Associate Professor, Candidate of History, Associate Professor of the Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU).

*The author declares no conflicts of interests.*

*Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.*

*The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.*